

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ *КРОВЬ* В АНГЛИЙСКОМ И УДМУРТСКОМ ЯЗЫКАХ

Панина Татьяна Игоревна

кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Ижевская государственная медицинская академия»
tipanina@mail.ru

LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES OF SET PHRASES WITH THE WORD *BLOOD* IN ENGLISH AND UDMURT LANGUAGES

T. Panina

Summary: The article is devoted to the lexical and semantic analysis of English and Udmurt set phrases with the word *blood* (English *blood* and Udmurt *вир*). The methodology includes comparative analysis, methods of corpus linguistics and linguistic and cultural interpretation. The research is based on the material of lexicographic sources and national corpora of English and Udmurt languages. The universal and distinctive features of the conceptualization of *blood* in non-cognate languages are revealed, that reflect the national specifics of the linguistic worldviews under consideration.

Keywords: blood, set phrases, linguoculture, linguistic worldview, English language, Udmurt language.

Аннотация: Статья посвящена лексико-семантическому анализу английских и удмуртских устойчивых выражений с соматическим компонентом *кровь* (англ. *blood* и удм. *вир*). Методология включает сравнительно-сопоставительный анализ, методы корпусной лингвистики и лингвокультурологической интерпретации. Исследование осуществлено на материале лексикографических источников и национальных корпусов английского и удмуртского языков. Выявлены универсальные и отличительные особенности концептуализации *крови* в неродственных языках, отражающие национальную специфику рассматриваемых языковых картин мира.

Ключевые слова: кровь, устойчивые выражения, лингвокультура, языковая картина мира, английский язык, удмуртский язык.

Известно, что язык является не только средством коммуникации, но и носителем культурных ценностей, традиций и образа мышления, характерных для определенной нации. Особый интерес для лингвокультурологических исследований представляет соматическая фразеология как важнейший элемент языковой картины мира. Она относится к наиболее архаичным пластам лексики и отличается высокой частотностью употребления, что объясняется апоцентричным восприятием мира: познавая себя, человек переносил эти знания на окружающий мир. Цель настоящего исследования – комплексный анализ семантических полей, образуемых устойчивыми выражениями с соматическим компонентом *кровь* (англ. *blood* и удм. *вир*) в английской и удмуртской лингвокультурах и выявление их культурно-обусловленных особенностей. *Кровь* является универсальным концептом для многих культур [1, с. 114], однако, в разных языках она может быть представлена по-своему. С этой точки зрения особый интерес представляют данные сравнительно-сопоставительного анализа общих понятий из разных неродственных культур, между носителями которых на протяжении многих веков не было прямых контактов [2]. Языковой материал для последующего анализа был выявлен методом сплошной выборки из различных английских и удмуртских словарей и корпусов [3, 4, 5, 6, 7, 8]. Переводы английских и удмуртских выражений на русский язык со-

провождаются их буквальным переводом, чтобы дать возможность «прочувствовать» оригинал, понять логику и особенности мировосприятия, заложенные на вербальном уровне.

Англ. *blood* и удм. *вир* в прямом значении «биологическая жидкость, циркулирующая по сосудам» активно используются в устойчивых словосочетаниях и медицинских терминах: например, *blood test* «анализ крови», *blood cells* «клетки крови», *blood transfusion* «переливание крови», *blood group* «группа крови», *blood pressure* «кровенное давление»; *вирберган* / *вирветлон* «кровообращение», *вирву* «протоплазма», *виркошкон* «кровотечение, кровоизлияние», *виркылдон* «кровообразование», *вирорсмон* «свертываемость крови». Однако с лингвокультурологической точки зрения наибольший интерес представляют термины и словосочетания с соматическим компонентом *кровь*, сохранившие символические коннотации и древние религиозно-мифологические воззрения и способствующие раскрытию специфики национального мышления. В ходе исследования было выявлено около 150 английских и удмуртских устойчивых словосочетаний с лексемой *кровь*, которые условно можно разделить на 7 взаимосвязанных семантических полей: *кровь* как 1) жизненная субстанция, средоточие витальной энергии, символ здоровья; 2) проявление насилия, жестокости, агрессии; 3) отражение ритуально-религиозной

сферы; 4) символ генетической или родственной связи; 5) метафора описания социальных и экономических явлений; 6) способ описания характера; 7) средство вербализации эмоциональной сферы человека.

В рассматриваемых языковых картинах мира *кровь* представлена в первую очередь как жизненная субстанция, источник витальной энергии. Человек, обладающий жизненной силой и ресурсом, не имеет проблем со здоровьем. Эта идея находит отражение и на лингвистическом уровне. В английском и удмуртском языках слово *кровь* присутствует как важный смыслообразующий элемент в сложных прилагательных: так, к примеру, английское прилагательное *“red-blooded”* (букв. «[имеющий] красную кровь») используется для описания человека, который может похвастаться крепким здоровьем, обладает физической силой, уверен в себе, полон энергии, особенно сексуальной. В удмуртском языке похожую коннотацию имеет слово *сильвиро* (букв. «[имеющий] мясо-кровь»), описывающего полнокровного, здорового, крепкотелого, мускулистого человека.

Особенностью удмуртской языковой картины является то, что *кровь* приравнивается к душе как носителю жизненной энергии, потеря которой приводит к смерти: в удмуртских сакральных текстах лечебных заговоров (*пелляськон*) и заклинаниях-молитвах (*куриськон*) можно встретить устойчивые выражения *лулзэ-вирзэ басьтыны / сётыны* (букв. «[его] душу-кровь забрать / отдать»), и как к внутреннему, психическому миру человека – в случае сильного душевного переживания говорят: *сюлмы-кёты, лулы-виры!* (букв. «[мое] сердце-живот, душа-кровь»).

Потеря крови ассоциируется с неизбежной гибелью, что объясняет ее тесную связь с базовой архетипической бинарной оппозицией «жизнь – смерть». Моральную ответственность за смерть другого человека выражают схожие идиомы: *have (someone’s) blood on your hands* (букв. «иметь чью-л. кровь на своих руках») и *вирен пыласькыны* (букв. «кровью умываться»), подчеркивающие вину и непоправимость содеянного преступления. Фразеологические единицы *spill blood* и *shed blood* на русский язык переводятся одинаково – «проливать кровь», но отличаются по коннотации: *spill blood* подразумевает насилие (убийство, причинение физического вреда), а *shed blood* – жертвенность: человек рискует и жертвует своей жизнью, здоровьем, защищая кого- или что-либо, например страну, свободу. В удмуртском языке идиома *вир кисьтыны* ближе по своему значению к английской *shed blood*. Как видно из вышеприведенных примеров, *кровь* метонимически отождествляется с самой жизнью.

Однако в удмуртской лингвокультуре выражение *вир кисьтыны* обладает дополнительным важным значением: оно также указывает на необходимость совер-

шения поминального обряда [9, с. 32]. Отличительной особенностью удмуртской лингвокультуры является то, что лексема *вир* (кровь) образует отдельное целостное семантическое поле, связанное с сакральными ритуальными практиками поминовения усопших – культ предков является важной частью традиционных верований удмуртов. Существует целый ряд терминов, обозначающий различные вариации поминальных жертвоприношений: *ви́ро* (букв. «с кровью»), *ви́рокисьтон* (букв. «возлияние крови»), *ви́ро сётыны* (букв. «кровную [жертву] приносить»), *ви́ро чектыны* (букв. «кровную [жертву] предлагать»). Неудивительно, что один из дней недели – среда – называется *вирнунал* (букв. «день кровной жертвы»), сохранивший архаические представления о его сакральном статусе.

Английские фразеологические единицы с компонентом *кровь* активно используются и для вербализации концептов вражды, насильственных действий и жестокости. Для выражения неприязни, ненависти, вражды используется идиома *bad blood / ill blood* (букв. «плохая кровь»), обозначающая затяжной конфликт или глубокую враждебность между людьми или группами. Устойчивое словосочетание *breed ill blood*: «сеять раздоры, ссоры» (букв. «вращивать плохую кровь») представляет собой яркий пример концептуализации социального конфликта через соматическую метафору. Выражение *blood and iron* (букв. «кровь и железо») передает идею безжалостного использования силы и оружия, символизирующего кровопролитие, *blood and guts* (букв. «кровь и внутренности») визуализирует беспощадное насилие, *end in a bloodbath* (букв. «закончиться кровавой баней») означает жестокое завершение конфликта с массовыми жертвами, резней и жестоким насилием. Существует также несколько ярких идиом с компонентом *кровь*, выражающих сильную жажду мести и возмездия. Эти выражения подчеркивают агрессивное, даже яростное желание наказать обидчика: *be after someone’s blood / bay for blood / be out for blood* (букв. «охотиться, гнаться за чей-л. кровью»).

Отдельную группу составляют устойчивые выражения, в которых *кровь* представлена как носитель генетически наследуемых качеств и свойств человека. Идиомы в английском языке свидетельствуют о том, что *кровь* символизирует тесные, непрерывные родственные связи: *blood is thicker than water* (букв. «кровь плотнее, чем вода»), *your own flesh and blood* «родная плоть и кровь» (букв. «твоя собственная плоть и кровь»), *blood ties* «кровные узы». Выражение *blood brother* «кровный брат» указывает не только на биологическое родство, но и на ритуальное побратимство – форму родства, которую в традиционном обществе устанавливали посредством обряда «смешения крови». В современном дискурсе оно имеет метафорическое значение и обозначает предельно близкие дружеские отношения. В удмуртском языке подобные выражения встречаются только в творчестве

современных удмуртских авторов для описания глубокой духовной и эмоциональной близости: «*Ми соин – одӥг вир, но мугор*» («С ним мы – одна кровь, одна плоть») [10], «*Вирсэрын таре одӥг вирмы бызёз*» («По венам теперь будет течь одна кровь») [11]. Они могли появиться в результате калькирования устойчивых выражений из русского языка, однако не исключается и влияние архаичных представлений удмуртов о том, что родственные души схожи по крови. Это, в частности, отражается в высказывании *вир уг тупа* (букв. «кровь не подходит»), с помощью которого объясняется неудачный опыт заговаривания болезни: залог успешного лечения зависит от многих аспектов, в том числе от того, насколько подходят друг другу знахарь и больной «по крови» [12, с. 52].

Прочно укоренившиеся привычки человека, особенности его характера в обоих рассматриваемых языках объясняются тем, что они заложены природой, присуще ему от рождения, являются неотделимой его частью: *in the blood* «в крови», *вираз ны́чамын «у него в крови»* (букв. «его кровь пропитана»). В этих устойчивых словосочетаниях *кровь* является символом средоточия органически наследуемых качеств, свойств и характера человека.

В английском языке фразеологизмы с компонентом *blood* активно участвуют в описании социально-экономических явлений, моделировании человеческих отношений. Для маркировки социального статуса – принадлежности к высшим слоям общества – используется историзм *blue blood* «голубая кровь», восходящий к испанскому *sangre azul* и отражающий аристократический миф о физиологическом отличии знати. Выражение *noble blood* (букв. «благородная кровь») исторически обозначало принадлежность к аристократическому сословию, особый социальный статус, передающийся по рождению. Устойчивые выражения *new blood* «новые кадры / работники» (букв. «новая кровь»), *fresh blood* (букв. «свежая кровь»), *young blood* (букв. «молодая кровь») актуализируют метафору организации как живого организма. Финансовые ограничения личности кодируются идиомой *too rich for my blood* «слишком дорого для меня» (букв. «слишком дорого для моей крови»).

В обоих рассматриваемых языках встречаются выражения и слова с компонентом *кровь*, которые описывают темперамент, характер, внутреннюю сущность человека. Однако на лингвистическом уровне это выражается по-разному. В английском языке темперамент определяется качеством крови: безжалостный человек, лишенный эмоций, неспособный к эмпатии, имеет «холодную» кровь: *cold-blooded* (букв. «с холодной кровью»), в то время как пылкий, вспыльчивый, импульсивный человек, который не способен сдерживать свои эмоции, – «горячую» кровь: *hot-blooded* (букв. «с горячей кровью»). В удмуртском языке признак бессердечия и бездушности выражается через отсутствие крови: *виртэм* «жестокий,

бесчеловечный» (букв. «бескровный, лишенный крови»), *виртэммыны / виртэмъяськыны* «стать жестоким (бесчеловечным); поступать жестоко (бесчеловечно)» (букв. «стать бескровным»). Удмуртский лингвистический материал сохранил древние воззрения о том, что *кровь* является одним из основных признаков живого, определяющих ее участие в бинарной оппозиции «человеческий – бесчеловеческий», которая перетекает в семантическое противопоставление «человечный – бесчеловечный». Имплицитно эта оппозиция закодирована и в английском идиоматическом выражении *blood from a stone* (букв. «кровь из камня»), где камень – объект неживой природы – символизирует жесткого, безжалостного человека, от которого трудно ожидать сочувствия или помощи, например, *get blood from (out of) a stone* «разжалобить; заставить сделать почти невозможное» (букв. «выкачать кровь из камня»).

При описании характера человека, его природной натуры в удмуртском языке нередко используются метафоры с компонентом *вирсэр* «кровеносный сосуд, вена». Так, обаятельного, приятного в общении человека принято называть *вирсэрлы* (букв. «имеющий кровеносные сосуды»), и напротив – про неприятного, несимпатичного, жестокого человека говорят *вирсэртэм / вирсэрестэм* (букв. «лишенный кровеносных сосудов»). Это понятие легло в основу следующих устойчивых выражений: *вирсэртэм нылли* «непоседа, непослушный ребенок» (букв. «ребенок без кровеносных сосудов»), *вирсэртэм вырыны / вирсэртэмъяськыны* «вести себя неприлично» (букв. «вести себя так, словно нет кровеносных сосудов»), *вирсэртэм луыны* «стать несимпатичным, неприятным». Человека, с которым нелегко общаться, поддерживать разговор, называют *секыт вирсэръем / секыт вирсэро* «тяжелый [человек]» (букв. «с тяжелыми венами»).

Кровь также связана с представлениями о тяжелой и изнуряющей работе, которая требует величайших усилий и максимального напряжения сил. Для описания ситуации, когда удалось добиться чего-то ценой огромных усилий, в английском языке используется идиома *to go through all the blood, sweat, and tears* «получить потом и кровью» (букв. «пройти через кровь, пот и слезы»), а способность работать до изнеможения ради достижения цели выражается фразой *to sweat blood* (буквально «потеть кровью»). Аналогичный смысл заложен в удмуртском выражении: *вирнюласа шедьтыны* «заработать потом и кровью» (букв. «получить, потеть кровью»). В этих примерах *кровь* тесно переплетена с символикой страдания и боли.

Кровь является частью и бинарной семантической оппозиции «голова – сердце», в которой *голова* символизирует рациональное, а *сердце* – эмоциональное. И в английской, и в удмуртской лингвокультурах *сердце* воспринимается как средоточие разнообразной палитры эмоций [2]. Устойчивые словосочетания с компонентом

кровь могут выражать широкий спектр эмоций, чувств и состояний человека – от крайней степени возмущения до радости.

В обоих анализируемых языках часто встречаются идиоматические выражения и метафоры с компонентом *кровь*, которые передают отрицательно окрашенные эмоции и реакции: гнев, злость, досада, раздражение. Гнев представляет собой интенсивную и неприятную реакцию, возникающую в ответ на воспринимаемую провокацию, обиду или угрозу. Состояние гнева ощущается на телесном уровне как учащенное сердцебиение, повышение артериального давления, расширение сосудов головного мозга и прилив сил, возникающие вследствие повышения концентрации адреналина и норадреналина. В английском языке физические проявления чувства ярости, злости, раздражения описываются на вербальном уровне следующим образом: *my blood boils* «меня охватывает злость» (букв. «моя кровь кипит»), *to make someone's blood boil* «сильно разозлить кого-л.» (букв. «заставить чью-л. кровь кипеть»), *to spit blood* «неистововать» (букв. «отхаркивать кровь»), *blood is up* «быть в ярости» (букв. «кровь выплескивается»), *to burst a blood vessel* «взорваться от гнева» (букв. «лопнуть кровеносный сосуд»). Как видно из вышеперечисленных примеров, *кровь* символизирует внутреннее эмоциональное состояние, служит метафорой для выражения сильных чувств, передает ощущение внутреннего накала. Похожие идиоматические выражения можно встретить и в удмуртском языке: *вырыз пöse* «[его] кровь закипает», *вырыз усиз* «обозлился, возмутился» (букв. «[его] кровь упала»), *вырыз пазьгиськиз* «пришел в ярость, вышел из себя» (букв. «[его] кровь брызнула»). Отличительной особенностью удмуртской лингвокартины является то, что в удмуртском языке при описании злости нередко фигурирует метафора *сьöd vir* (букв. «чёрная кровь»): *сьöd vir кисьтйськиз* «обозлился, пришел в ярость» (букв. «чёрная кровь разлилась»), *сьöd виры уг тырмы* «зла не хватает» (букв. «[у меня] не хватает чёрной крови»).

В английском языке сохранились устойчивые выражения с компонентом *blood*, которые служат мощным средством передачи таких сильных эмоций, как страх, ужас: *make your blood creep / curdle* «приводить в ужас» (букв. «заставить кровь медленно двигаться / сворачиваться»), *blood runs cold* «кровь стынет». Они не только отражают физиологические реакции организма на испуг (например, ощущение холода или мурашек), но и демонстрируют богатство языковой метафоры.

В удмуртском языке существуют выразительные идиомы, которые метафорически передают состояние расстройства, подавленности или огорчения: *виры сörиськиз* «[я] расстроился» (букв. «[моя] кровь испортилась»), *vir сöрины* «расстроить» (букв. «кровь испортить»). Как видно из примеров, глубокое эмоциональное

потрясение объясняется внутренней «поломкой», «порчей» крови. Для описания сильной зависти используется выражение *вирсэрыз вожъяське* «[он] сильно завидует» (букв. «его кровеносные сосуды завидуют»), о завистливых людях говорят *vir юись* (букв. «пьющий кровь»), *vir сюпись* (букв. «сосущий кровь»), *vir сиись* (букв. «поедающий кровь») [13, с. 10]. Этот образ подчеркивает, насколько разрушительной может быть зависть: она не просто вызывает досаду, она истощает тех, на кого направлена. Этими же эпитетами удмурты называют и энергетических вампиров, буквально высасывающих силы и жизненную энергию из окружающих, и невидимых злых духов, которые, согласно архаичным представлениям, бродили по ночам и пили кровь людей [12, с. 49]. В английском языке так же встречается сложное прилагательное *blood-sucking* «кровососущий», которое используется как в прямом смысле при описании кровососущих насекомых или животных, так и в переносном – для описания людей и организаций, которые «высасывают» ресурсы, деньги, энергию, счастье, подчеркивая разрушительное, эксплуататорское отношение к людям.

В удмуртском языке метафоры и сравнения с компонентом *кровь* могут использоваться и для передачи положительных эмоций, таких как радость, воодушевление, эмоциональный подъём. Яркий пример – выражение *вир шудэ* «кровь играет», которое описывает момент, когда жизненная энергия буквально переполняет человека, вызывая желание активно действовать, совершать импульсивные поступки. Эта метафора чаще всего употребляется в контексте молодого задора, творческого вдохновения и безудержного веселья.

В обоих языках можно найти единичные идиомы, выражающие эмоциональную сдержанность – спокойствие, невозмутимость: англ. *in cold blood* «хладнокровно», удм. *вирсэрзэ но уг вырты* «и ухом / бровью не поведет» (букв. «даже кровеносным сосудом не шевельнет»). Сопоставление идиом выявляет любопытные лингвокультурные особенности: в английском языке метафора имеет отрицательную коннотацию – речь идет о бесчеловечной жестокости и расчетливой бесчувственности, в то время как в удмуртском – о бесстрашии и смелости человека или же о равнодушии и отсутствии стыда.

Проведенный лингвокультурологический анализ устойчивых выражений с лексемой *кровь* в неродственных английском и удмуртском языках выявил как универсальные, так и этноспецифические аспекты концептуализации крови в рассматриваемых языковых картинах мира. Установлено, что в обоих лингвокультурах *кровь* представлена как носитель жизненной силы, средоточие витальной энергии; метафора физических сверхусилий, затраченных для достижения цели; элемент базовых бинарных оппозиций «жизнь – смерть», «человеческий – нечеловеческий», «человечный – бес-

человечный»; средство описания особенностей характера и вербализации эмоциональных состояний: связь между *кровью* и сильными негативными эмоциями — универсальный языковой феномен. При этом выявлены и существенные различия: в английской традиции *кровь* служит маркером генетической связи, используется для описания негативно-окрашенных эмоциональных состояний (гнева, ярости), насилия и жестокости, а также акцентирует социально-стратификационные и экономические коннотации, в то время как в удмуртской — указывает на родственность душ; отождествляется с душой человека; является неотъемлемым элементом архаичных

ритуальных практик поминовения усопших и используется для выражения более широкого спектра эмоциональной сферы. Идиомы, уходящие корнями в народные представления о связи телесных и эмоциональных состояний, остаются актуальными и сегодня, обогащая экспрессивную речь. Их существование подчеркивает универсальность человеческого опыта: подобные образы встречаются и в других языках, что свидетельствует об общих механизмах образного мышления в разных культурах. Изучение устойчивых выражений не только расширяет словарный запас, но и помогает глубже понять языковую картину мира носителей языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ершова Г.Г. Речевые и культурные стереотипы клятвы с концептом «кровь» // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: сб. статей / сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. — М.: РГГУ, 2009. — С. 114–126.
2. Панина Т.И., Ульянова М.А. Устойчивые словосочетания с соматизмом «сердце» в английском и удмуртском языках // Гуманитарные и социальные науки. — 2024. — Т. 102. — № 1. — С. 74–79.
3. Национальный корпус удмуртского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://udmcorpus.udman.ru/home> (дата обращения 16.04.2025).
4. British National Corpus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения 16.04.2025).
5. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения 16.04.2025).
6. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения 16.04.2025).
7. English Collocation Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://ozdic.com/> (дата обращения 16.04.2025).
8. Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (дата обращения 16.04.2025).
9. Владыкина Т.Г., Глухова Г.А. Ар-год-берган: Обряды и праздники удмуртского календаря. — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2011. — 320 с.
10. Матвеев С. Веднаськон [Колдовство] [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video-207817133_456239185 (дата обращения 16.04.2025).
11. Виль кен [Молодуха] [Электронный ресурс]. URL: <https://pesni.guru/text/ladi-sveti-vilь-ken> (дата обращения 16.04.2025).
12. Панина Т.И. Мифологизация крови в заговорно-заклинательной практике удмуртов // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. — 2022. — № 3. — С. 48–57.
13. Душенкова Т.Р. Выражения с компонентом вир 'кровь' в удмуртской лингвокультуре // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. — 2022. — № 3 (23). — С. 28–34.

© Панина Татьяна Игоревна (tipanina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»